

Научная статья

УДК 347

DOI:10.17323/2072-8166.2022.1.96.114

Особенность договора страхования в качестве непоименованного способа обеспечения исполнения обязательств по российскому праву

Максим Геннадьевич Степин

Институт государства и права Российской академии наук, 119019 Россия, Москва, ул. Знаменка, 10, Stepin911@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6717-6620>

Аннотация

В статье рассматривается страхование как способ обеспечения исполнения обязательств по праву России. Автор исследует классификации обеспечительных конструкций, сравнивает точки зрения различных ученых, используя при этом системный и функциональный методы толкования правовых норм. В дальнейшем это помогает раскрыть потенциал использования страхования в качестве обеспечительной конструкции основного обязательства. Договор страхования может выступать в качестве непоименованного способа обеспечения основного обязательства, соответствуя признакам акцессорности (системности), которые сформулированы законодателем в ст. 329 ГК РФ. Автор обращает внимание на то, что в документах, которые действовали до принятия современного Гражданского кодекса Российской Федерации, указание на признаки акцессорности в законодательстве предусмотрено не было. В статье доказывается, что акцессорность, выступающая в качестве системного метода, может применяться только к непоименованным способам обеспечения исполнения обязательств, а также аргументируется использование законодательных признаков акцессорности, указанных в статье 329 ГК РФ (прекращении, связанности, недействительности), которым должен соответствовать непоименованный способ обеспечения обязательства. Применение акцессорности ко всем поименованным способам обеспечения исполнения обязательств невозможно, так как все семь поименованных способов обеспечения исполнения обязательств (неустойка, поручительство, задаток, обеспечительный платеж, независимая гарантия, удержание, залог) нельзя све-

сти к единым признакам, а это противоречит принципу системности. В статье делается вывод о возможности использования договора страхования в качестве способа обеспечения исполнения обязательства. Также автор учитывает, что договор страхования имеет определенные особенности, которые имманентно присущи этому обязательству. Это выражается в обязательном наличии конкретных рисков, от которых осуществляется страхование. Вследствие этого вводится новое понятие — условная акцессорность. Страхование в качестве условно-акцессорного способа обеспечения исполнения обязательств используется для обеспечения исполнения обязательств не от всех существующих рисков неисполнения (ненадлежащего исполнения), а только от тех, которые указаны в договоре страхования.

Ключевые слова

страхование, акцессорность, поименованные способы обеспечения, непоименованные способы обеспечения, системный (акцессорный) метод, функциональный (целевой) метод, классификация способов обеспечения исполнения обязательств, признаки акцессорности

Для цитирования: Степин М.Г. Особенность договора страхования в качестве непоименованного способа обеспечения исполнения обязательств по российскому праву // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 1. С. 96–114. DOI:10.17323/2072-8166.2022.1.96.114.

Research article

The Peculiarity of the Insurance Contract as an Unnamed Way of Ensuring the Fulfillment of Obligations in Russian Law

Maksim G. Stepin

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka, Moscow, 119019 Russia, Stepin911@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6717-6620>

Abstract

The article examines insurance as a way to ensure the fulfillment of obligations under Russian law. The author explores the classification of security structures, different points of view of scientists are compared, using the system and functional methods of interpretation of legal norms, which further helps to unlock the potential of using insurance as a security structure of the main obligation. An insurance contract can act as an unnamed way of securing the main obligation, corresponding to the signs of accessory (system), which are formulated by the legislator in Article 329 of the Civil Code of the Russian Federation. However, the author draws attention to the fact that in the past, in such documents that were in force before the adoption of the modern Civil Code of Russia, there was no indication of signs of accessory in the legislation. The article proves that accessory, (system) acting as a system method can only be applied to unnamed ways of ensuring the fulfillment of obligations, and also the use of such legislative signs of accessory specified in Article 329 of the Civil Code of the

Russian Federation (termination, connectedness, invalidity), which must correspond to the unnamed method of securing the obligation, is argued. It is not possible to apply accessorism to all named obligations, since all seven named ways of ensuring performance of obligations (forfeit, surety, deposit, security payment, independent guarantee, retention, pledge) cannot be reduced to a single feature, and this contradicts the principle of consistency. The article concludes that it is possible to use an insurance contract as a method of securing the performance of an obligation. The author also takes into account the fact that the insurance contract has certain features that are inherent in this obligation, which is expressed in the mandatory presence of specific risks from which insurance is carried out. As a result, a new concept is introduced-conditional accessory. A conditional-accessory method of securing the performance of obligations is an insurance contract that is concluded as a method of securing the performance of obligations not against all existing risks of non-performance (improper performance), but only against those specified in the insurance contract.

Keywords

insurance, accessory, named way of security obligations, unnamed way of securing obligations, system (accessory) method, functional (target) method, classification of ways to ensure the performance of obligations, signs of accessory

For citation: Stepin M. G. (2022) The Peculiarity of the Insurance Contract as an Unnamed Way of Ensuring the Fulfillment of Obligations in Russian Law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no 1, pp. 96–114 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2022.1.96.114.

Введение

В настоящее время почти не исследован вопрос о критериях отнесения к способам обеспечения исполнения обязательств непоименованных способов в контексте юридической зависимости дополнительного обязательства от основного. Неразрешенность этой проблемы приводит к тому, что в юридической практике и доктрине отсутствует понимание того, может ли та или иная конструкция, не указанная в ст. 329 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее — ГК РФ) (не запрещенная законом, но определенная в договоре), быть способом обеспечения исполнения основного обязательства. Возможность использования договора страхования в качестве обеспечительной конструкции до сих пор носит дискуссионный характер как в доктрине, так и в судебной практике. В данной работе мы попытаемся применить методологию, основанную на системном и функциональном подходах, которая сможет внести определенность в понимание обеспечительных конструкций, в том числе и договора страхования.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

1. Признаки поименованных и непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств

Среди современных ученых сложилась концепция отнесения к способам обеспечения исполнения обязательств, основанная на понятии акцессорности (от лат. *Accessio* — прибавление, придаток, принадлежность) [Гринь О.С., 2018: 221]. Данная концепция во многом определяет критерии отнесения той или иной потенциальной формы обеспечения исполнения обязательства к возможности существования дополнительного обязательства в качестве, обеспечивающем основное. Однако теоретическая догма в виде акцессорности в том виде, в котором она представлена в науке, не может качественно выступать критерием разграничения непоименованных обеспечительных конструкций. В данной статье мы попытаемся раскрыть критерии акцессорности в отношении договора страхования и показать недостатки, которые можно исправить определенными доктринальными уточнениями.

Необходимость выделения общих признаков в обеспечительных конструкциях приобрела актуальность с того момента, когда перечень способов обеспечения исполнения обязательств стал открытым. Это произошло с принятием нового ГК РФ в 1994 году. Тогда появилась возможность включать в договор формы обеспечения, которые не указаны в законе (непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств, например, страхование, обеспечительная уступка при факторинге и пр.), которые могут обеспечить исполнение основного обязательства. Такая мера законодателя, как возможность использовать непоименованные способы обеспечения, направленная на увеличение диспозитивной составляющей в гражданских правоотношениях, повлекла за собой создание теоретической базы, которая смогла бы определить основные признаки способов обеспечения исполнения обязательств. Основой для построения теоретической базы явилось описание признаков законодателем, которые вытекают из пп. 2, 3, 4 ст. 329 ГК РФ и выражаются в следующем: недействительность соглашения об обеспечении не влечет недействительности основного обязательства; при недействительности соглашения, из которого возникло основное обязательство, обеспеченными считаются связанные с последствиями такой недействительности обязанности по возврату имущества, полученного по основному обязательству; прекращение основного обязательства влечет прекращение обеспечивающего обязательства, если иное не предусмотрено законом или договором.

Исходя из этих признаков, которые говорят о взаимоотношениях основного обязательства и дополнительного (обеспечительного), в доктрине и сложилось понятие акцессорности. Формат данной работы не позволя-

ет провести тест поименованных способов обеспечения обязательств (неустойка, задаток, независимая гарантия и пр.) по данным признакам. Но осознание того, что независимая гарантия не соответствует данным признакам, но в то же время является поименованным способом обеспечения обязательств, говорит о том, что данные признаки формулировались по другим основаниям, нежели происходило историческое развитие поименованных способов обеспечения исполнения обязательств. На наш взгляд, было бы логичным, что обеспечительным признакам (акцессорности) должны соответствовать только непоименованные способы исполнения обязательств. Это связано с тем, что развитие обеспечительных конструкций длится с римских времен, и за это время выработались определенные традиции² по каждому поименованному способу обеспечения, которые почти невозможно свести к общему основанию. В соответствующих параграфах ГК РФ дается характеристика каждого поименованного способа обеспечения обязательства, которые могут обеспечить основное обязательство с разных сторон, т.е. имеют различные цели обеспечения. Поэтому при определении признаков поименованных и непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств имеет смысл использовать функциональный (целевой), а не системный (акцессорный) подход. Невозможность четкой классификации способов обеспечения исполнения обязательств нашла отражение в юридической литературе.

Об отсутствии общих черт у разных способов обеспечения исполнения обязательств писал В.А. Белов: «Способы обеспечения исполнения обязательств являются с юридической точки зрения понятием неоднородным. Они не имеют общей для всех родовой юридической категории, что, между прочим, весьма затрудняет простое сравнение друг с другом... Отнесение того или иного правового средства к числу способов обеспечения исполнения обязательств говорит только о том, что оно выполняет определенную экономическую функцию — обеспечительную» [Белов В.А., 2018: 82–84]. Р.С. Бевзенко рассуждает в том же ключе: «Как показывает опыт применения судами норм, сосредоточенных в ст. 329 ГК РФ, а также предпринятые за последние два десятилетия попытки научного осмысления способов обеспечения обязательств именно как системы, в действительности подлинных общих правил о способах обеспечения обязательств очень и очень немного» [Бевзенко Р.С., 2017: 6–7].

² О традиционном делении пишут в своей работе М.И. Брагинский и В.В. Витрянский: «Наряду с традиционными способами обеспечения обязательств, которые всегда существовали в гражданском законодательстве, а именно: неустойка, поручительство, задаток, залог, — ГК включает в себя два новых (по сравнению с ГК 1964 г.) способа обеспечения обязательств, которые ранее не были известны нашему законодательству. Речь идет о банковской гарантии и удержании имущества должника» [Брагинский М.И., Витрянский В.В., 1999: 479].

Исходя из общего понимания способов обеспечения исполнения обязательств, мы приходим к выводу, что поименованные способы имеют в своей структуре разную правовую основу (например: неустойка или удержание могут быть как указаны в договоре, так и нет; а вот поручительство является дополнительным соглашением в рамках основного обязательства). Непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств можно использовать в качестве оных только по соглашению сторон, поэтому в данном случае можно предположить, что акцессорность, а именно, ее признаки, указанные в пп. 2, 3, 4 ст. 329 ГК, должны применяться к непоименованным способам обеспечения обязательств. При использовании системного подхода в определении непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств начинает вырисовываться четкость юридического толкования норм права.

Если использовать функциональное (целевое) толкование, то оно может применяться и к поименованным, и к непоименованным способам обеспечения исполнения обязательств. Однако при использовании системного подхода получается, что признак акцессорности применим только к непоименованным способам обеспечения исполнения обязательств. В этом и заключаются основные юридические противоречия в ст. 329 ГК РФ.

2. Классификация способов обеспечения исполнения обязательств при функциональном подходе

Под функциональным (целевым) подходом толкования способов обеспечения обязательства понимается наличие определенных мер целевой направленности, т.е. каждый способ обеспечения исполнения обязательств несет в себе конкретную целевую функцию, независимую от других способов обеспечения исполнения обязательств. Рассмотрим системы классификации при функциональном и системном подходах. Так, с помощью функционального (целевого) подхода существуют следующие классификации способов обеспечения исполнения обязательств.

Б.М. Гонгало определяет способы обеспечения исполнения обязательств как искусственные (изобретаемые) приемы (средства), что выражается в отсутствии органической связи данных приемов с материальным содержанием обеспечиваемых обязательств. Он разделяет способы обеспечения исполнения обязательств следующим образом.

Способы, обеспечивающие исполнение обязательств, т.е. выполняющие обеспечительную функцию, которая имеет непосредственную цель в стимулировании должника к исполнению обязательства путем создания условий, повышающих вероятность исполнения обязательства (неустойка, задаток);

Способы обеспечения исполнения обязательств, направленные на защиту имущественных (денежных) интересов кредитора в случае неисправности

должника (поручительство, банковская гарантия (независимая гарантия)) — «уплата денег поручителем, гарантом есть только суррогат исполнения»;

Способы обеспечения исполнения обязательств, направленные на стимулирование должника к надлежащему исполнению обязанностей, а при их нарушении — на защиту интересов кредитора (залог, удержание имущества должника, обеспечительный платеж) [Гонгало Б.М., 2002: 9] (обеспечительный платеж добавлен в данную классификацию нами. — авт.). После приведенной классификации профессор делает вывод, что «способами обеспечения обязательств можно считать установленные законом или договором обеспечительные меры имущественного характера, существующие в виде акцессорных обязательств, стимулирующие должника к исполнению обязательства и (или) иным образом гарантирующие защиту имущественного интереса кредитора в случае неисправности должника» [Гонгало Б.М., 2002: 40].

В этом определении заложено противоречие, связанное с соотношением поименованных и непоименованных способов обеспечения обязательств по системному признаку, в частности, исходя из этого определения нельзя включить в число способов обеспечения исполнения обязательства независимую гарантию, которая указана в ст. 329 ГК РФ.

Профессор С.В. Сарбаш, классифицируя способы обеспечения исполнения обязательств, говорит, что «специальные юридические средства, имеющие обеспечительный характер, возникли в праве естественным путем, а не посредством разработки учеными некой теоретической концепции, имеющей стройную логическую систему» [Сарбаш С.В., 2017: 120]. С.В. Сарбаш классифицирует способы обеспечения исполнения обязательств следующим образом: вещные способы, при которых выделяется имущество должника или третьего лица для обеспечения исполнения обязательства (залог, удержание и отчасти обеспечительный платеж в соответствии со ст. 381.2 ГК РФ); личные способы, основаны на привлечении еще одного лица, которое гарантирует исполнение (поручительство, независимая гарантия); способы, оказывающие стимулирующие воздействие, которые больше относятся к гражданско-правовой ответственности (неустойка, задаток).

Профессор, комментируя свою классификацию, указывает, что третья группа способов обеспечения (стимулирующая) «подлинным обеспечением» не является, так как дополнительной гарантии в виде другого имущественного источника, из которого можно было бы удовлетворить требования кредитора, не представляет, а также не дает преимущества перед другими кредиторами. Хотя и С.В. Сарбаш указывает на историческое появление стимулирующей группы (неустойка, задаток), но с таким же правом на историзм можно указать применительно и к первой (вещные способы),

и ко второй (личные способы) группам. Вопрос останется открытым: какая группа появилось раньше, а какая — позже, и группами ли они появлялись?

На наш взгляд, указание на то, что стимулирующая группа не относится к обеспечительным способам ввиду того, что способы, относящиеся к третьей группе, не предоставляют дополнительной гарантии в виде еще одного имущественного источника, является юридически недоказанной и противоречащей ст. 329 ГК РФ и судебной практике. Далее С.В. Сарбаш разделяет поименованные и непоименованные способы обеспечения и делает вывод: «В гражданском праве обеспечительные отношения подчинены принципу свободы договора. Стороны обязательства сами могут предусмотреть такой способ обеспечения, который законом не предусмотрен. Эти непоименованные обеспечительные договоры не должны противоречить императивным нормам гражданского закона, а в остальном стороны свободны в условиях таких договоров» [Сарбаш С.В., 2017: 121]. Однако дальнейшее исследование вопроса об обеспечительных конструкциях у профессора не приводит к целостному пониманию способов обеспечения. В связи с этим не представляется возможным снять противоречия, которые имеют место как внутри одной группы — среди поименованных способов обеспечения (например, неустойка и независимая гарантия), так и между двумя группами (первая — в которую входят способы, не указанные в законе (непоименованные), вторая — способы, которые указаны в законе (поименованные) (например, договоры страхования и задатка)).

При этом С.В. Сарбаш пытается разделить акцессорность в поименованных способах на относительную и абсолютную: «В самом широком понимании акцессорность могла бы означать, что акцессорное обязательство разделяет юридическую судьбу основного обязательства (абсолютная акцессорность). Однако в действительности эта акцессорность не абсолютна, а относительна. Недействительность основного обязательства не всегда означает полную утрату притязания кредитора к должнику. Определенное право кредитора на действия должника может сохраняться в некоторых случаях и при недействительности основного обязательства» [Сарбаш С.В., 2017: 123]. Введение деления акцессорности без указания на то, к каким способам обеспечения это деление может относиться (к поименованным, к непоименованным или ко всем вместе) приводит к нагромождению понятия акцессорности без раскрытия ее сущности и, как следствие, — к правовой неопределенности.

В.А. Белов считает, что к способам обеспечения исполнения обязательств может относиться любая конструкция, если она может быть использована для достижения хотя бы одной из следующих целей: стимулирующие цели (неустойка, задаток); гарантирующие цели (поручительство, независимая

гарантия, залог имущества третьих лиц); универсальные цели (залог имущества должника, удержание, обеспечительный платеж) [Белов В.А., 2018: 84].

Как видим, классификации В.А. Белова и Б.М. Гонгало во многом совпадают, с той лишь разницей, что В.А. Белов четко придерживается функционального подхода, не пытаясь вживить в него системный, акцессорный подход. Также ученый формулирует общее для всех способов обеспечения исполнения обязательств юридическое качество — «реализация всяких обеспечительных правоотношений приводит к получению и присвоению кредитором полной или частичной замены исполнения — выручки от реализации предмета залога или удержания, суммы неустойки или задатка, платежа по гарантии или поручительству — и, соответственно, к прекращению или изменению обеспеченного обязательства» [Белов В.А., 2018: 83]. С этим тезисом трудно не согласиться, ведь любой поименованный или непоименованный способ обеспечения исполнения обязательства подразумевает, в конечном итоге, получение компенсации за неисполнение основного обязательства. Поэтому с точки зрения функционального подхода классификация В.А. Белова представляется наиболее верной, что отражает общую основу в целевой зависимости всех поименованных и непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств.

Важным представляется рассмотреть еще один подход к пониманию обеспечительных конструкций, сформулированный В.В. Кулаковым. Данный подход заключается в том, что ученый сводит основное и дополнительное обязательства в одно обязательство, движимое единой судьбой, т.е. «нет отдельных «основного» и «обеспечительного» обязательств, они на самом деле представляют одно единое обязательство» [Кулаков В.В., 2009: 145]. В обоснование данного подхода ученый приводит аргументы, которые синтезируют в себе акцессорный и функциональный подходы, а именно: «Если судить по содержанию ст. 329 ГК РФ, можно увидеть, что недействительность соглашения об обеспечении не влечет недействительности основного обязательства. Однако это фраза не позволяет говорить об обязательствах, возникающих из таких соглашений как о дополнительных. В ГК РФ речь идет о недействительности соглашения как юридического факта. Из этого можно утверждать, что на основании фактического состава, в данном случае заключения основного договора и обеспечительного договора, возникает одно структурно-сложное обязательство. Если не будет заключен обеспечительный договор, просто не будет осложнения обязательства» [Кулаков В.В., 2009: 146].

Данный тезис наглядно демонстрирует невозможность методологического сведения всех способов обеспечения исполнения обязательств в одно, даже структурно-сложное обязательство. Это объясняется тем, что среди поименованных способов обеспечения существуют такие способы, как неустойка, о которой можно договариваться отдельно, тем самым усложняя основное обязательство дополнительным соглашением, а можно и не дого-

вариваться (законная неустойка). Таким образом, обязательство, по логике ученого, всегда будет сложно-структурированным. Дальнейшие рассуждения автора ведут к отрицанию способов обеспечения, которые не вписываются в картину структурно-сложного обязательства, например, банковская гарантия (независимая гарантия) [Кулаков В.В., 2009: 149]. Подводя общий итог своим исследованиям, В.В. Кулаков констатирует: «Анализ норм обязательственного права позволяет утверждать, что обеспечение исполнения обязательств не порождает какого-либо пусть дополнительного, но отдельного обязательства» [Кулаков В.В., 2009: 150]. Данный вывод не находит стыковок с непоименованными способами обеспечения исполнения обязательств, которые указаны в законе, например страхование³.

Подводя итог рассмотрению классификаций способов обеспечения исполнения обязательств, мы не находим методологически верного пути, который раскрывал бы все общие признаки при функциональном подходе. Почти все ученые (за исключением В.А. Белова) пытались в той или иной форме соединить функциональный (целевой) и системный (акцессорный) подходы. В результате несформулированной методики отнесения к системному (акцессорному) толкованию поименованных способов обеспечения возникают толкования, не признающие традиционных способов обеспечения исполнения обязательств, что является некорректным отражением действительности как в юридической практике, так в юридической доктрине.

В проанализированных выше классификациях не нашли места некоторые поименованные способы обеспечения исполнения обязательств (С.В. Сарбаш — неустойка, задаток; Б.М. Гонгало — независимая гарантия; В.В. Кулаков — независимая гарантия).

Вывод из всего сказанного выше можно формулировать следующий: смешение акцессорного и функционального подходов в определении способов обеспечения исполнения обязательств не ведет к сущностному их пониманию, а только вносит еще больше противоречий.

3. Признаки способов обеспечения исполнения обязательств при системном (акцессорном) подходе

Попробуем рассмотреть классификацию по системному (акцессорному) подходу. Как было указано выше, в пп. 2, 3, 4 ст. 329 ГК РФ указаны сле-

³ В виде примера можно сослаться, напр., на ст. 7 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», в соответствии с которым «кредитор в целях обеспечения исполнения обязательств по договору вправе потребовать от заемщика застраховать за свой счет от рисков утраты и повреждения заложенное имущество на сумму, не превышающую размера обеспеченного залогом требования, а также застраховать иной страховой интерес заемщика».

дующие признаки акцессорности: недействительность соглашения об обеспечении не влечет недействительности основного обязательства (далее — признак недействительности); при недействительности соглашения, из которого возникло основное обязательство, обеспеченными считаются связанные с последствиями такой недействительности обязанности по возврату имущества, полученного по основному обязательству (далее — признак связанности); прекращение основного обязательства влечет прекращение обеспечивающего, если иное не предусмотрено законом или договором (далее — признак прекращения).

Указанные выше признаки акцессорности, по нашему мнению, должны использоваться только для определения непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств, которые разрешены п. 1 ст. 329 ГК РФ. Использование этих признаков полностью отражается в системном подходе к толкованию нормы права, которая носит диспозитивный характер. Однако следует обратить внимание на признак связанности, т.е. недействительность основного обязательства не должна приводить к недействительности обеспечиваемого. Этот пункт, по нашему мнению, законодатель специально включил для того, чтобы было разграничение способов обеспечения обязательств от прав, которые имеет кредитор в случае неисполнения обязанности должником, например, возмещение убытков. По своей сути, признаков законодательного регулирования акцессорности два — недействительность и прекращение. Дополнительное обязательство, которое претендует на определение в качестве непоименованного способа обеспечения исполнения обязательства, должно соответствовать этим двум критериям акцессорности (недействительность и прекращение).

Помимо законодательно обозначенных двух признаков акцессорности в доктрине разработаны и расширенные модели, которые предусматривают пять признаков акцессорности. Р.С. Бевзенко, ссылаясь на западных юристов, формулирует пять признаков акцессорности [Бевзенко Р.С., 2013: 9–29]: акцессорность возникновения. Для возникновения акцессорности необходим долг. «Нет долга — нет обеспечения» [Бевзенко Р.С., 2017: 56]; акцессорность объема требования означает, что объем акцессорного требования определяется по объему основного требования; акцессорность следования за главным требованием. Суть данного признака подразумевает обязательное совпадение кредитора по обеспечиваемому требованию и лица, имеющего право требовать реализации обеспечения. Цель такого требования устанавливается для исключения двойного платежа: сначала в пользу кредитора, а потом — в пользу держателя обеспечения; акцессорность прекращения означает, что прекращение основного обязательства влечет за собой прекращение акцессорного обязательства; акцессорность осуществления обеспечительных прав. Суть данного принципа состоит в том, что

обеспечителю предоставляется право ссылаться на те же возражения против требования кредитора, которые имеются против него у должника.

Как видим, два признака, приведенных Р.С. Бевзенко — прекращение и недействительность — совпадают с законными признаками, а остальные — нет. Остальные признаки, указанные ученым — объема, следования, осуществления обеспечительных прав — выведены из поименованных способов обеспечения обязательств. Как мы писали, системный (акцессорный) подход не может быть распространен на поименованные способы обеспечения исполнения обязательств. Р.С. Бевзенко, исследуя западный опыт, вносит дополнительные признаки в акцессорность, помимо тех, которые указаны в ст. 329 ГК РФ, и исключает из способов обеспечения исполнения обязательств неустойку [Бевзенко Р.С., 2017: 7]. Также ученый говорит, что независимая гарантия имеет из пяти признаков акцессорности один — следования, остальные четыре отсутствуют [Бевзенко Р.С., 2017: 15].

Признаки акцессорности не могут распространяться на все поименованные способы обеспечения, использовать их в таком жестком качестве не представляется возможным. В связи с этим сам ученый пишет: «В действительности не бывает полностью акцессорного или полностью неакцессорного обеспечения. Законодатели или судебная практика то ослабляют, то усиливают количество и значение проявлений акцессорности обеспечительных сделок» [Бевзенко Р.С., 2017: 15]. Распространение акцессорности на все способы обеспечения исполнения обязательств (поименованные и непоименованные) говорит о невыработанном методологическом подходе и тем самым нивелирует развитие способов обеспечения в целом, а также приводит к выводам, что «акцессорность — это скорее побочный признак способов обеспечения обязательств и обеспечительной функции обязательств он никак не касается» [Комиссарова Е.Г., Торкин Д.А., 2008: 27]. Если использовать акцессорность так, как «микроскопом забивать гвозди», то, разумеется, вывод правильный: зачем нужны признаки акцессорности, если они не подходят для всех поименованных способов (про непоименованные речи не идет)?

Отсутствие методики использования системного и функционального подходов приводит к тому, что К.А. Новиковым формулируются общие признаки юридических моделей обеспечения: каждая модель (способ), названная в главе 23 ГК РФ, осуществляется в форме обязательства, относительного правоотношения; каждое из юридических средств, перечисленных законодателем в качестве способа обеспечения, характеризуется имущественным, стоимостным содержанием (имеет своим предметом определенное имущественное благо); неустойка, задаток, залог, удержание и поручительство сконструированы как безвозмездные: должник в обеспечительном обязательстве не вправе требовать от кредитора по основному обязательству какое бы то ни было встречное предоставление (п. 2. ст. 423); в случае с поручительством, залогом и удержанием имущественное предоставление

должника представляет собой компенсацию того блага, которое причитается кредитору по какому-то другому основанию, требованию, юридически заменяет это другое благо и приводит к удовлетворению интереса в нем; круг требований, в удовлетворение по которым должно быть засчитано исполнение по залогу, удержанию и поручительству, достаточно широк и определяется фактическими обстоятельствами каждого конкретного случая [Новиков К.А., 2012: 182–184].

Из всего ряда признаков К.А. Новиков выделяет два общих: имущественный характер и обязательственно-правовая норма [Новиков К.А., 2012: 185]. После этого ученый делает соответствующий вывод: «Так как в рамках главы 23 ГК размещены средства настолько разнородные, что их объединение именно в едином понятии было бы непродуктивным, то от этих попыток следует и вовсе отказаться: поскольку характеристики того или иного из этих явлений — неустойки (задатка) или банковской гарантии (независимой гарантии. — прим. авт.) — препятствуют тому, чтобы понятие о способах обеспечения выстраивалось, в том числе и на них, то нужно попросту принять, что эти конструкции к способам обеспечения не относятся» [Новиков К.А., 2012: 186]. В качестве поименованных способов обеспечения исполнения обязательств К.А. Новиков выделяет только поручительство, залог и удержание. Следовательно, определение способов обеспечения исполнения обязательств звучит так: «Способ обеспечения исполнения обязательств — это обязательственное отношение, направленное на безвозмездное присвоение имущественного блага должника в счет удовлетворения таких требований его кредитора, которые связаны с нарушением другого (обеспеченного) обязательства и существуют в форме регулятивных или же охранительных правовых отношений наряду с обеспечивающим обязательством» [Новиков К.А., 2012: 187].

Указанное определение сужает систему способов обеспечения исполнения обязательств. Это ведет не к развитию и расширению обеспечительных конструкций, а, наоборот, к остановке и сужению, причем основанием этого сужения является невозможность объединения всех поименованных способов в общем понятии. Более того, аргументы для исключения трех видов поименованных способов обеспечения (задаток, неустойка, банковская (независимая) гарантия) не представлены. Указание на безвозмездность вообще не связано с критериями оценки способов обеспечения ни в одной научной работе, ни в практике. Складывается впечатление, что автор, высказывая такое определение, действовал по принципу, который приписывают великому философу: «Если факты противоречат моей теории — тем хуже для фактов»⁴. Определение способов обеспечения исполнения обязательств, выведенное К.А. Новиковым, также убирает из оборота непоименованные

⁴ Данную цитату обычно приписывают Г.В.Ф. Гегелю, но, к сожалению, точный источник неизвестен.

способы обеспечения исполнения обязательств, что тоже является вольным толкованием нормативных актов.

Отсюда мы можем сделать вывод, что признаки акцессорности, которые доктрина и практика пытаются расширить, не приводят к упорядочению обеспечительных способов, а, наоборот, расшатывают гражданские правоотношения. Основными признаками, по которым способы обеспечения обязательств должны попадать в разряд непоименованных, — это указанные в п. 2, 3, 4 ст. 329 ГК РФ. Это признаки недействительности и прекращения (что касается признака связанности, то данный признак в непоименованных обязательствах будет присутствовать всегда, если стороны заключают соглашение о конкретном способе обеспечения, например, о страховании).

4. Условная акцессорность при страховании как обеспечительной конструкции

Страхование как способ обеспечения исполнения обязательств имеет существенное отличие от многих других непоименованных способов — обеспечительное хранение, товарная неустойка и др. Это связано с тем, что договор страхования имеет свою собственную юридическую природу, т.е. он может быть заключен без основного, обеспечиваемого обязательства. В силу этого, по нашему мнению, законодатель и предусмотрел признаки акцессорности в ст. 329 ГК РФ. Акцессорный или системный подход должен связать основное обеспечиваемое обязательство с дополнительным. Но у дополнительного непоименованного обязательства, имеющего свою юридическую природу⁵, например, страхования, должны обязательно присутствовать признаки законодательной акцессорности.

Если взять страхование в качестве способа обеспечения исполнения обязательства, то, используя, законодательные признаки акцессорности, возможно пройти следующий тест на определение непоименованного способа.

1) Признак недействительности. Недействительный договор страхования никаких последствий для основного обязательства не влечет. Если заключается договор страхования ответственности по договору лизинга (в силу ст. 21 Закона о лизинге⁶, стороны договора могут предусмотреть такое ус-

⁵ Об определении акцессорности в самостоятельных обеспечивающих обязательствах на примере договора репо писали Е.Г. Комиссарова и Д.А. Торкин: «...определить наличие акцессорной связи можно, если обеспечение существует в виде самостоятельного обязательства, предусматривающего определенные имущественные последствия. Если отдельного обеспечительного обязательства нет, то вопрос отпадает сам собой» [Комиссарова Е.Г., Торкин Д.А., 2008: 31].

⁶ Федеральный закон от 29.10.1998 N 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» // СЗ РФ. 1998. № 44. Ст. 5394.

ловие), то недействительность договора страхования не приведет к недействительности договора лизинга, а лизингополучатель будет отвечать своим имуществом перед лизингодателем по общим основаниям.

2) *Признак прекращения.* Данный критерий играет определяющую роль в соответствии договора страхования непоименованному способу обеспечения исполнения обязательства. По спорам, связанным с прекращением дополнительного обязательства (страхования) ввиду прекращения основного обязательства до сих пор нет единой позиции. Так, А.Г. Архипова в своей работе утверждает, что такой признак акцессорности, как прекращение, отсутствует в договоре страхования: «...договор страхования прекращается не из-за того, что прекратилось обеспеченное им обязательство, а из-за того, что перестал существовать застрахованный риск» [Архипова А.Г., 2018: 78–79]. Такого же мнения придерживается в настоящее время и судебная практика, однако позиция судебных органов менялась, что негативно отражается на гражданском обороте.

В 2013 году Верховный суд РФ указал в ст. 4 Обзора судебной практики⁷, что в качестве дополнительного способа обеспечения исполнения кредитного обязательства допускается только добровольное страхование заемщиком риска своей ответственности, и суды стали активно использовать данное разъяснение, признавая страхование в качестве способа обеспечения исполнения обязательства при решении конкретных дел⁸. В 2018 году Верховный суд РФ меняет свою точку зрения и говорит, что договор страхования не является способом обеспечения исполнения обязательства в силу того, что страховщик будет производить страховую выплату не в силу просрочки должником по кредитному обязательству, а в силу произошедшего страхового случая независимо от того, будет ли должником допущено нарушение обязательств по кредитному договору⁹. Однозначной позиции о возможности использования страхования как способа обеспечения исполнения обязательства в судебной практике не прослеживается. Это, в свою очередь, ведет к продолжению дискуссии о том, является ли страхование способом обеспечения исполнения обязательства или нет.

⁷ Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

⁸ См., напр.: постановление АС Западно-Сибирского округа от 04.05.2018 г. по делу №А03-5383/2017; постановление АС Московского округа от 31.07.2018 г. по делу №А40-183262/2017; постановление АС Западно-Сибирского округа от 05.03.2019 г. по делу №А03-720/2018; постановление АС Уральского округа от 26.02.2019 г. по делу № А76-14038/2018; постановление АС Уральского округа от 24.12.2018 по делу № А76-3951/2018.//СПС КонсультантПлюс

⁹ Подробнее см.: Определение ВС РФ от 13.02.2018 №44-КГ17-22.//СПС КонсультантПлюс

Противоположной точки зрения придерживается С.В. Дедиков. Исследуя страхование в качестве способа обеспечения исполнения обязательств, он приходит к следующему выводу: «Договоры страхования, несомненно, относятся к институтам, способным обеспечить самостоятельные имущественные последствия. По договорам страхования договорной ответственности или финансовых рисков, связанных с нарушением контрагентом страхователя, застрахованного лица или выгодоприобретателя договора, указанные последствия наступают только после неисполнения или ненадлежащего исполнения основного долга» [Дедиков С.В., 2009: 28]. Затем автор продолжает распространять свой тезис и на остальные виды страхования: «В остальных случаях какой-либо проблемы увязать страховую выплату с нарушением основного обязательства тоже не существует» [Дедиков С.В., 2009: 28]. Отсюда можно сделать вывод, что при нарушении основного обязательства, дополнительное срабатывает и прекращается своим исполнением.

Такой же точки зрения придерживается и А.В. Бормотов. Исследуя в своей работе обеспечительную функцию договора страхования, он приходит к следующему заключению: «Обеспечительная функция договора страхования представляет собой воздействие на иное, обеспечиваемое обязательство в качестве способа обеспечения исполнения данного обеспечиваемого обязательства. Указанное воздействие договора страхования основано на обеспечительном интересе страхователя (выгодоприобретателя) как участника главного обязательства. Обеспечительный интерес — это законный интерес кредитора и (или) должника установить гарантию, за счет которой исполняется основное обязательство. Он возникает в силу закона или договора. Договор страхования имущества, договор страхования ответственности за причинение вреда и нарушение договора, договор страхования предпринимательского риска, перестрахование, договор личного страхования, взаимное страхование — это виды страхования, могущие выступать способом обеспечения исполнения обязательств» [Бормотов А.В., 2011: 15–16]. Конечно, и С.В. Дедиков, и А.В. Бормотов не указывают на акцессорность и в части такого ее признака, как прекращение. Безусловно, договор страхования обеспечивает выплату за неисполнение или ненадлежащее исполнение, но с оговоркой, на которую ссылались и А.Г. Архипова, и судебная практика — выплата будет происходить только по тем рискам, которые включены в договор страхования.

Получается, если обязательство не исполнено и договор страхования не сработал, то в соответствии с акцессорностью непоименованных способов договор страхования должен прекратиться. В ситуации, когда прекращение основного обязательства не привело к выплате страхового возмещения в связи с отсутствием тех рисков, по которым прекращение основного обязательства должно быть признано страховым случаем, предлагаем использовать в обороте понятие условной акцессорности.

Условная акцессорность заключается в такой конструкции непоименованного способа обеспечения исполнения обязательства, при которой выплата за неисполнение или ненадлежащее исполнение будет осуществлена не от всех рисков, которые могут гипотетически произойти, а только от тех, которые указаны в соглашении об обеспечении основного обязательства. Возможность указания в дополнительном обязательстве (непоименованном способе обеспечения) условий, при которых данное соглашение действует или прекращает свое действие вслед за основным, раскроет возможности развития страхования как способа обеспечения исполнения обязательства.

Заключение

Система способов обеспечения исполнения обязательств строится на двух основных подходах: функциональном (целевом) и системном (акцессорном). Историческое развитие поименованных способов обеспечения исполнения обязательств выработало свои устоявшиеся признаки каждого способа, которые не могут быть распространены на всю систему. Однако системное толкование в праве является основой развития гражданского оборота, в связи с чем возможное использование непоименованных способов исполнения обязательств должно предусматривать определенный порядок. Этот порядок выражен в категории акцессорности. Акцессорность включает в себя определенные признаки, указанные законодателем в пп. 2, 3, 4 ст. 329 ГК РФ. Логика применения системного (акцессорного) подхода должна быть направлена только на непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств. Конечно, и в этом правиле есть свои исключения. Страхование — это непоименованный способ обеспечения обязательств, который имеет самостоятельную юридическую природу. В силу этого страхование обеспечивает основное обязательство только по тем рискам, которые прописаны в договоре страхования, что не отрицает в нем акцессорных признаков, но отходит от них. Страхование в рамках способов обеспечения исполнения обязательств носит условно-акцессорный характер.

Список источников

1. Акинфеева В.В., Степанченко А.В. Способы обеспечения обязательств. М.: Статут, 2020. 86 с.
2. Архипова А.Г. Является ли страхование способом обеспечения обязательств // Вестник экономического правосудия. 2018. № 8. С. 65–87.
3. Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств. М.: Статут, 2013. 96 с.

4. Бевзенко Р.С. Общие положения об обеспечении обязательств: комментарий реформы статьи 329 ГК РФ / О договорах: Сборник статей к юбилею В.В. Витрянского. Сост. С.В. Сарбаш. М.: Статут, 2017. С. 6–18.
5. Бевзенко Р.С. Титульное обеспечение и доктрина акцессорности / Об обеспечении обязательств: Сборник статей к юбилею С.В. Сарбаша. Сост. и отв. ред. А.В. Егоров. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. С. 43–69.
6. Белов В.А. Обязательственное право. М: Юрайт, 2018. 425 с.
7. Бормотов А.В. Обеспечительная функция договора страхования в российском гражданском праве: автореф. дис...к.ю.н. Пермь, 2011. 22 с.
8. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения: Изд. 2-е, испр. М.: Статут, 1999. 848 с.
9. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. М.: Статут, 2002. 222 с.
10. Гринь О.С. Обеспечение исполнения обязательств: новое в законодательстве и развитие судебной практики / Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы / отв. ред. Е.Е. Богданова. М.: Проспект, 2018. С. 219–251.
11. Дедиков С.В. Страхование как способ обеспечения обязательств // Хозяйство и право. 2009. № 7. С. 19–32.
12. Зайцев В.В. Обеспечение исполнения обязательств: история, современность и перспективы развития. М.: Статут, 2021. 396 с.
13. Комиссарова Е.Г., Торкин Д.А. Непоименованные способы обеспечения обязательств в гражданском праве. М.: Аспект Пресс, 2008. 142 с.
14. Кулаков В.В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России. М.: РАП, 2009. 188 с.
15. Новиков К.А. Понятие способа обеспечения исполнения обязательств: дисс. ... к.ю.н. М., 2012. 223 с.
16. Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств. М.: Статут, 2017. 336 с.

References

1. Akinfeeva V.V., Stepanchenko A.V. (2020) Ways of securing obligations: A textbook. Moscow: Statut, 86 p. (in Russ.)
2. Arkhipova A.G (2018) Is insurance a way of securing obligations. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudia Rossiiskoi Federatsii*=*Economic Justice of Russian Federation Review*, no 8, pp. 65–87 (in Russ.)
3. Bevzenko R.S. (2013) *Accessory of security obligations*. Moscow: Statut, 96 p. (in Russ.)
4. Bevzenko R.S. (2017) General provisions on securing obligations: commentary on the reform of Article 329 of the Civil Code of the Russian Federation. In: *On contracts: A collection of articles for the anniversary of V.V. Vitryansky*. Comp. S.V. Sarbash. Moscow: Statut, pp. 6–18 (in Russ.)
5. Bevzenko R.S. (2017) Title assurance and the doctrine of accessory. On securing obligations: A collection of articles for the anniversary of S.V. Sarbash. A.V. Egorov (ed.). Moscow: S.S. Alekseev Research and Development Center under the President of the Russian Federation, pp. 43–69 (in Russ.)
6. Belov V.A. (2018) *Law of obligations: textbook for undergraduate and graduate studies*. Moscow: Yurayt Publishing House, 425 p. (in Russ.)

7. Bormotov A.V. (2011) *The security function of an insurance contract in Russian civil law*. Candidate of Juridical Sciences Summary. Perm, 22 p. (in Russ.)
8. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. (1999) *Contract law. Book One: General provisions*: 2nd edition. Moscow: Statut, 848 p. (in Russ.)
9. Dedikov S.V. (2009) Insurance as a way of securing obligations. *Khoziaystvo i pravo=Economy and law*, no 7, pp. 19–32 (in Russ.)
10. Gongalo B.M. (2002) *The doctrine of securing obligations*. Moscow: Statut, 222 p. (in Russ.)
11. Grin O.S. (2018) Enforcement of obligations: new in legislation and the development of judicial practice. *Reform of the law of obligations of Russia: problems and prospects*. E.E. Bogdanova (ed.). Moscow: Prospect, pp. 219–251 (in Russ.)
12. Komissarova E.G., Torkin D.A. (2008) *Unnamed ways of securing obligations in civil law*. Moscow: Aspect Press, 142 p. (in Russ.)
13. Kulakov V.V. (2009) *Obligation and complications of its structure in Russian civil law*. Moscow: RAP, 188 p. (in Russ.)
14. Novikov K.A. (2012) *The concept of a way to ensure the fulfillment of obligations*. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 223 p. (in Russ.)
15. Sarbash S.V. (2017) *Elementary dogmatics of obligations: A textbook*. Moscow: Statut, 336 p. (in Russ.)
16. Zaitsev V.V. (2021) *Enforcement of obligations: history, modernity and development prospects*. Moscow: Statut, 396 p. (in Russ.)

Информация об авторе:

М.Г. Степин — соискатель, главный юрисконсульт CAO «ВСК».

Information about the author:

M.G. Stepin — Applicant, General counsel, Insurance Joint Stock Company VSK.

Статья поступила в редакцию 03.09.2020; одобрена после рецензирования 30.03.2021; принята к публикации 22.10.2021.

The article was submitted to the editorial office 03.09.2020; approved after reviewing 30.03.2021; accepted for publication 22.10.2021.